

УДК 811.161; 81.37
DOI 10.17223/18137083/66/18

И. Е. Ким^{1,2}, О. Н. Зюзина², Е. А. Дерябина¹

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

² *Новосибирский государственный университет*

Комплексная семантическая модель социального действия в русском языке

Статья посвящена описанию классификационных признаков социального действия в русской лексико-синтаксической семантике. В социальном действии есть три уровня, которые связаны с активностью субъекта: физический, акционально-предметный и коммуникативный. Наличие такой сложной организации предполагает учет не менее восьми классификационных параметров, из которых самым важным является «актантный» тип действия, определяемый по виду активности второго субъекта социального действия.

Ключевые слова: социальное действие, социальная семантика, актантная модель действия, семантическая сфера, социально-философская и семантическая классификация действий.

Действие в семантической модели объектного мира обладает тремя важными свойствами, которые отражают его временную и «вещную» стороны.

Первое свойство – процессность, динамическая природа действия. Действие представляет собой процесс, то есть временную последовательность не совпадающих друг с другом фаз ([Булыгина, 1982; Селиверстова, 1982; Падучева, 1996] и др.). С процессностью действия связаны категория вида и общая семантика аспектуальности, понятия предела и предельности действия.

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; kim@philology.nsc.ru); профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Зюзина Ольга Николаевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; solechka@mail.ru)

Дерябина Евгения Александровна – аспирант сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; maria.kononova.nov@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 1
© И. Е. Ким, О. Н. Зюзина, Е. А. Дерябина, 2019

Второе свойство – событийность, полиактантность, множественность вовлеченных в действие реалей с их специализацией ([Tesnière, 1959; Fillmore, 1968; 1977; Богданов, 1977; Шмелева, 1988] и др.).

Третье свойство сталкивает друг с другом временную и предметную неоднородность действия, привязывая к каждому его участнику самостоятельный процесс, а сами атомарные процессы связывая воедино причинно-следственными отношениями ([Мельников, 1980; Wierzbicka, 1980; Дремов, 1985; Степанов, 1989] и др.).

Три свойства порождают три семантические модели действия: предикатную ([Булыгина, 1982; Селиверстова, 1982] и др.), актантную ([Tesnière, 1959; Fillmore, 1968; 1977; Богданов, 1978; Шмелева, 1988] и др.) и каузативную, иначе именуемую текстовой [Мельников, 1980; Дремов, 1985; Степанов, 1989], см. также [Wierzbicka, 1980]. Предикатная модель легко соединяется с актантной, образуя пропозитивную модель [Шмелева, 1994]. Каждая из моделей достаточно подробно разработана теоретически и имеет большую исследовательскую традицию в лингвистике. Кроме того, каузативная природа действия отражена в исследованиях по философии и логике и тесно связана с философскими проблемами детерминизма и телеологии [Вригт, 1986].

Социальное действие обнаруживает дополнительную сложность, которая описана в работе [Ким, 2011]. В общем случае эту сложность можно описать следующей трехуровневой моделью в рамках каузативной теории действия:

- причинно-следственная составляющая, связывающая между собой два процесса причинными отношениями;
- целе-результативная составляющая, предполагающая психическую активность по крайней мере одного из участников действия по отношению к другим участникам;
- иллюкутивно-перлокутивная составляющая, интерпретирующая процесс или результат действия как знак для передачи информации субъекту, не обязательно включенному в область непосредственно происходящего в действии.

Различие трех уровней было показано Франческой Фичи Джусты в работе [1992] при сопоставлении русских и итальянских существительных с общим значением действия (*effetto / azione 1 / azione 2 // действие 1 / действие 2 / поступок*), однако в ее работе это различие получило иное объяснение, связанное с более привычным для лингвистики различием направленности действия на объект и акцентирования субъекта.

Приведем пример различения трех уровней элементарного социального действия информационного (адресатного) типа, но нестандартного, чтобы обнаружить все составляющие этого действия.

Причинно-следственная составляющая простейшего социального действия представляет собой его физическую основу, следование законам природы. Так, рука человека (не обязательно по его желанию) разгоняет небольшой камень, и разрыв контакта с ней причиняет камню потенциал свободного движения, который реализуется согласно физическим законам. Следствием такого процесса становится изменение местоположения камня, которое может сопровождаться звуком от соприкосновения с твердой или жидкой средой.

Целе-результативная составляющая представляет собой намерение человека направить камень в какое-либо место, например, в воду или на твердую поверхность, так чтобы раздался громкий звук. Результат действия в таком понимании может быть сопоставлен с целью, а само действие может быть оценено как успешное (раздался громкий звук) или, наоборот, неуспешное в случае, если звук был тихим или соприкосновение с поверхностью было вообще неслышим.

Иллюкутивно-перлокутивная составляющая представляет собой информацию (например, об опасности или о желании бросившего камень вступить в ком-

муникативный контакт с человеком – получателем информации), которая кодируется с помощью причинно-следственной составляющей (например, звуком от падения камня в воду или на твердую поверхность) и реализуется целе-результативной составляющей (например, человек, бросает камень, стараясь попасть в воду или на твердую поверхность, чтобы получился громкий звук). В этом случае актуальным является не действие руки на камень и камня на поверхность и не цель бросающего камень, чтобы камень приземлился в нужном месте со звуком, а коммуникативное намерение бросающего. Поэтому бросок небольшого камня, который в других случаях мог бы быть оценен как неуспешный, например, беззвучное попадание в тело другого человека, а не на твердую поверхность рядом с ним, для коммуникации может быть оценен даже как более успешный, поскольку в большей степени гарантирует привлечение внимания.

Отметим важную линию усложнения реалий, связанных с каждой из составляющих. Причинно-следственная составляющая не требует от участников психических усилий: камень может оторваться от руки совершенно непреднамеренно и движется по тем же законам, по которым камни падают с гор. Целе-результативная составляющая предполагает наличие психического усилия у одного из участников. Иллокутивно-перлокутивная составляющая предполагает наличие психических усилий минимум у двух участников и их потенциальное согласование.

Социальная природа такого действия вписывается в представление о социальной семантической сфере [Шмелева, 1988, с. 14–15; Янценецкая, Лебедева, 1991, с. 83; Всеволодова, 2000, с. 138–139; Ким, 2012]. Реалии социальной сферы имеют удвоенное существование: они существуют как объекты физического мира и как реалии, содержащие знак. Это означает, что физическая сущность такой реалии воспринимается дважды: как таковая и как означающее знака, при восприятии которого воспринимающий получает информацию, заложенную в знаке, то есть означаемое этого знака. Таким образом, социальная реалия оказывается нетождественна сама себе, поскольку разные социальные реципиенты – адресаты социального знака воспринимают означаемое последнего по-разному, в рамках своей «картины мира».

Соответственно, социальное действие, будучи сложным событием (действие как полиактантное и динамически неоднородное событие), происходящим в социальной семантической сфере, предполагающей знаковые взаимодействия, представляет собой многоаспектное действие, семантическое описание которого может оказаться чрезвычайно сложным.

Часть семантики языка, «портретирующая» действительность, верифицируется существующей культурной моделью реальности. Если мы обсуждаем отражение в языке реалий природного мира, то такой моделью может выступить обыденная картина мира, «здоровый смысл»¹. Однако по отношению к социальной действительности этот прием оказывается ненадежным, поскольку обыденный образ социальной действительности, обладающей невысокой степенью постижимости для разума человека (интеллигибельности), сам является предметом реконструкции, требует специальных исследовательских процедур для выявления (см., например, [Щюц, 1988; Обыденное и научное знание, 2015] и др.).

Культурными моделями, позволяющими соотносить языковой образ социального действия с общезначимым, являются модели, используемые в социальной философии.

¹ Оставим за скобками рассуждения сложности, связанные с выделением этого «не замутненного рефлексией» взгляда на мир, в частности, логический круг, который обнаруживается в позиции школ лингвистического позитивизма, которые оценивают мир (по сути культурную модель мира) по его языковому описанию.

Выделим три важные для социально-философской мысли теории и классификации социального действия: М. Вебера [1990], Т. Парсонса [2002] и Ю. Хабермаса [2001].

М. Вебер выделяет четыре класса социальных действий, располагая их по степени ослабления рациональности и усиления неосознаваемых движений психики.

1. Целерациональное действие предполагает сознательный выбор цели и средств для ее достижения, и исключает наличие иррациональных (аффективных) компонентов.

2. Ценностно-рациональное действие основано «на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от его возможных результатов» [Вебер, 1990, с. 628].

3. Традиционное действие «основано на длительной привычке и получает в связи с этим почти автоматический характер, с минимально опосредованным осмысленным целеполаганием» [История теоретической социологии, 2002, с. 368].

4. Аффективное действие определяется неконтролируемыми эмоциями и выходит за пределы моральной нормы и права. Главным в действии такого типа оказывается «стремление к немедленному или максимально быстрому удовлетворению страсти, владеющей индивидом» [Там же, с. 369–370].

В структурно-функционалистской теории Т. Парсонса главным моментом является выделение и определение основной единицы анализа – единичного акта. Исследователь выделяет основные составляющие единичного акта:

1. Агент, или актер (действующее лицо).

2. Цель – «будущее положение вещей, на которое ориентировано выполняемое действие» [Парсонс, 2000, с. 95].

3. Ситуация действия, основные направления развития которой отличаются от того положения вещей, на которое ориентировано действие (от цели). В свою очередь ситуация разложима на два элемента: а) условия, которые актер не может проконтролировать или изменить; б) средства, которые агент может контролировать.

4. Нормативная ориентация в выборе средств для реализации цели.

Как видим, Т. Парсонс расчленил, как это было сделано в синтаксической семантике, действие на элементы, тем самым позволив исследователю производить его структурное описание.

Ю. Хабермас выделяет четыре идеальных типа социального действия:

1. Стратегическое действие определяется личными целями деятеля и учитывает поведение хотя бы одного другого индивида. Рациональность действия данного типа определяется эффективностью выбора средств, в том числе и других действующих лиц, для достижения поставленной цели.

2. Целью нормативного действия является достижение взаимовыгодных ожиданий путем соблюдения общепринятых или внутригрупповых ценностей и норм. Рациональность действия этого типа определяется степенью его соответствия социальным нормам поведения.

3. Драматургическое действие предполагает свободное выражение индивидуальности деятеля, цель которого состоит в самопрезентации, представлении себя публике. Рациональность действия данного типа определяется его искренностью, то есть соответствием исполняемой индивидом роли его реальным характеристикам.

4. Коммуникативное действие направлено на достижение взаимопонимания и согласия между его участниками в процессе общения для реализации совместных целей в определенной ситуации. Необходимо подчеркнуть, что действие рассматриваемого типа предполагает достижение такого взаимопонимания относительно всех критериев рациональности, выдвигаемых указанными в следующем

абзаце мирами (сферами) референции. При этом свои личные цели деятели преследуют здесь лишь при условии, что смогут согласовать планы своих действий на основе общих определений ситуации.

Обратим внимание на то, что в теории Ю. Хабермаса, как и в нашем представлении о социальном действии, введено различие трех сфер референции, в которых реализуется действие (в нашей терминологии уровней): объективной, что соответствует причинно-следственному уровню, субъективной, что соответствует целе-результативному уровню, и социальной, что в какой-то мере соответствует иллюкутивно-перлокутивному уровню.

Другой возможностью описания языковой семантической модели социальных действий является использование методологии фреймовой семантики.

В свое время Ч. Филлмор, перейдя от рассмотрения языкового выражения физических процессов, например движения, к описанию социальных ситуаций, например, торговой ситуации, отказался от теории падежной грамматики, от использования универсального понятия глубинного падежа [Fillmore, 1968] и обосновал переход к моделям когнитивной лингвистики, описав действие перспективы в формировании семантической модели действия [Fillmore, 1977]. Позднее он стал вдохновителем и теоретиком Фреймнета – интерактивной системы для семантико-синтаксической разметки текстов на базе фреймовой модели семантики предложения (<https://framenet.icsi.berkeley.edu>, ср.: [Fillmore, 1994] и др.). Достоинством когнитивной модели действия является использование понятий фрейма и сценария.

Фрейм как ментальная модель реалий позволяет описывать их применительно к относительно замкнутому и относительно связному, но при этом расчлененному представлению о реалиях, моделируемому как набор стереотипных и индивидуальных элементов, имеющих довольно произвольную природу. При этом фрейм «Фреймнета» имеет ситуативную природу и удобен для моделирования в том числе социальных ситуаций. Сценарий по отношению к фрейму выполняет обобщающую функцию, обозначая более широкий круг ситуаций, описываемых разными однородными фреймами.

Неудобство же фреймовой семантики заключается в том, что набор интуитивно, на основе «здравого смысла» выделяемых стереотипных элементов для разного рода действий может оказаться разным, что не позволяет описать общую языковую модель социальных действий и построить их единую классификацию. Так, семантическая классификация событийных пропозиций Т. В. Шмелевой [1988, с. 13] составляет 20 типов (включая всего пять типов действий), а база фреймов, по сути семантических предикатов, «Фреймнета» составляет тысячи в разной степени сводимых или не сводимых друг к другу единиц.

Таким образом, в лингвистике существует необходимость комплексной классификации социальных действий, учитывающей их многоаспектность и, с другой стороны, специфику социальной семантической сферы.

В общем виде классификация, с нашей точки зрения, должна быть полипараметрической и учитывать не менее восьми параметров:

- 1) тип активности первого и второго субъектов;
- 2) эксплицированность физического компонента: степень и характер;
- 3) место знакового компонента в процессной и ситуативной структуре действия;
- 4) релевантность социальной иерархии: $S_1 > S_2$ / $S_1 < S_2$ / $S_1 = S_2$ / нерелевантна², где знак $>$ обозначает, что первый субъект иерархически старше

² В статье используются следующие условные обозначения: S_1 – первый из активных участников (субъектов) социального действия; S_2 – второй из активных участников (субъектов) социального действия; Pr – предикат; Pr₁ – предикат основной операции социально-

второго субъекта, знак < обозначает, что второй субъект иерархически старше первого, знак равенства обозначает относительное иерархическое равенство субъектов;

5) перспектива, по Ч. Филлмору (от S_1 или от S_2), связанная в теории синтаксиса с понятием конверсности и диатезы, ср. [Ким, Шароглазова, 2017], а в грамматике с понятием залога [Холодович, 1979];

6) инициативность или реактивность действия;

7) позитивно-нейтральная или негативная (на нанесение вреда) направленность действия; коннотативная оценка действия и разных его аспектов;

8) сфера жизни (область человеческой деятельности, подсфера социальной сферы).

Тип активности первого и второго субъектов как классификационный признак связан с межлическим характером социальных взаимодействий.

Требуется некоторое уточнение относительно количества активных участников. Очевидно, что количество потенциально социально активных участников может быть более двух, но для семантики важно, оформляются ли третий и следующие участники в самостоятельные семантические роли, как, например, в действии защиты: S_1 защищает S_2 от S_3 . С другой стороны, к социальным вполне могут быть отнесены действия, которые включают только одного потенциально активного субъекта, например, часть воспроизводящих действий, ср.: Ø [Евгений Матвеев] (S_1) *Очень любил исполнять заунывные песни, терзая души односельчанкам чем-то наподобие: Как на кла-адбище Митрофановском Отец дочку заре-езал свою-уу...* (Н. Склярова. Казаки-разбойники // Вечерняя Москва, 2002, 10 янв. – НКРЯ³). Но типичным является наличие двух социальных субъектов, участвующих в действии.

Этот параметр является, пожалуй, наиболее важным для характеристики действия. Для систематизации соотношения активности предлагается использовать классификацию, отражающую тип активности только второго субъекта, поскольку позиция первого субъекта – агенс, выделенный активный субъект. Такую классификацию и выделяемые ею модели мы условно называем актантными, поскольку актантная роль хорошо описывает тип активности именно второго субъекта. «Актантная» модель не обязательно отражает актуальную актантную позицию второго субъекта, которая задается свойствами предиката и/или структурой и лексическим наполнением предикативной единицы, обозначающей действие. Так, типичной для второго субъекта коагентивного вспомогательного действия (см. ниже) является позиция агенса, хотя именно он выполняет вторичное, вспомогательное действие, а основной субъект становится в позицию адресата помощи, например: *Получив кредит, администрация края поможет тем территориям, где долги по зарплате образовались по объективным причинам* 'Территории, которые имеют долги по зарплате по объективным причинам, выплатят зарплату при помощи администрации края' (Аргументы и факты на Енисее, 2001, 19 дек.).

По характеру активности второго субъектов можно выделить пять «актантных» моделей.

1. **Адресатное**, или информационно-коммуникативное действие. В наиболее понятном случае это речь или другая специализированная знаковая коммуникация. Знаковый компонент, как правило, находится в центре. Активность S_1 – сообще-

го действия; Pt_2 – предикат второстепенной операции социального действия. В статье также используются обозначения форм частей речи, принятые в отечественной практике конструктивного синтаксиса: N_4 – форма винительного падежа существительного; N_5 – форма творительного падежа существительного.

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

ние информации в знаковой форме, активность S_2 – позиция адресата, воспринимающего информацию. См., например: – *Я начальник отряда... в экспедиции, – сказал (Pr) он* [Лобышев; S_1] *Ø ‘девушке’ (S_2)* (А. Битов. Пенелопа). Перспективой от второго субъекта является восприятие знака. В этот тип как периферия входит также давание/получение, имеющее социальный характер. Ср., например, описание ситуации выдачи довольствия, помощи от государства, и официально добровольного приема от населения вещей и продуктов на нужды армии (полувоенным выделены предикаты давания/получения): *Дадут если три печатки мыла и шесть метров товара, и тут же сразу скажет: – Подписывай! ну, сразу тут же и сразу подписал, и забрали, а ты остался голый. Ну, на фронт-то. Мы получили, и с нас же сразу забирают: – Подписывай! всё отдаёшь, шесть метров товара отдаёшь, и три печатки мыла отдаёшь. Ну, ни коровы, ничё не держали. Мясо сдай, масло сдай, яйца сдай, шерсть сдай, всё. Купи и сдай* [Афанасьева-Медведева, 2010, с. 258].

2. **Контрагентивное**, или двусторонне-коммуникативное действие. Негативная или позитивная направленность делит такие действия на конфликты и переговоры. Активность, как правило, у обоих субъектов одного характера и приблизительно равная по интенсивности (симметричные действия). Ср., например: *Кабинет во главе с Марковичем (S_1) безуспешно пытался договориться (Pr) с руководством Словении (S_2) об условиях «совместного проживания» в федерации в «переходный период», об условиях «разделения»* (Известия, 1991, 7 мая); *Иной раз думаю: может, это нормально, что чиновники (S_1) и депутаты (S_2) постоянно ругаются (Pr)* (Аргументы и факты на Енисее, 2001, 19 дек.). К конфликтным контрагентивным действиям примыкают препятствующие действия, имеющие асимметричный и реактивный характер; см., например: *Муртазалиев (S_1) мешал (Pr₂) Амирову (S_2) распространять (Pr₁) свое влияние на территории республики* (Р. Фахрутдинов. Бывший мэр Махачкалы Амиров приговорен к 10 годам заключения // Известия, 2014, 9 июля. – НКРЯ).

3. **Коагентивные**, или кооперативные, действия. Это действия двух субъектов, направленные на достижение одной цели, как правило, одного из них. К ним относятся действия управления и вспомогательные действия или содействия. Приведем пример социального действия управления в публичной речи гуманитарной интеллигенции: *Руководил (Pr₁) подготовкой (Pr₂) академик Орлов Александр Сергеевич (S_1), литературовед (Проект «Легенды и мифы Академгородка»⁴, Информант 1). В таком действии можно выделить управляющую операцию (Pr₁), выполняющего эту операцию управляющего субъекта (S_1), исполняющую операцию (Pr₂) с невыраженным исполняющим субъектом. К коагентивным действиям относятся также вспомогательные действия, или действия содействия; см., например: *Фельдшер (S_2) в это мгновение привстал, бледный и потный, тупо и в ужасе поглядел на горло и стал помогать (Pr₂) мне (S_1) его зашивать (Pr₁)* (М. Булгаков. Записки юного врача). В таком действии основную операцию (зашивание горла) выполняет адресат помощи (S_1), а вспомогательную – агент помощи (S_2). При этом сам предикат со значением вспомогательной операции часто оставляет за пределами своей семантики фактическую сторону операции, акцентируя ее вспомогательный характер. Читатель не извлечет из семантики глагола *помогать* содержания действий фельдшера, ср., однако, толкование в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой глагола *суфлировать*, который сочетает в своей семантике информацию и о вспомогательном характере действия, и о его*

⁴ «Легенды и мифы Академгородка» – проект, осуществленный кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института НГУ. В ходе проекта проводились беседы с разными информантами, в основном бывшими и действующими сотрудниками НГУ, принадлежащими к гуманитарной интеллигенции. Материалы находятся в архиве кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института НГУ.

акциональной стороне: «Суфлировать 'Подсказывать (несов. к *Подсказать* 'Сказать или незаметно шепнуть кому-л. то, что тот должен произнести') актерам слова роли во время представления'» [Словарь русского языка, 1984].

4. **Объектные** действия разной природы, которые делятся на созидание, изменение и разрушение.

Социальное созидание может быть представлено как комплексный процесс, в котором знаковое соединяется с материальным, см., например: *...До 55 процентов ленинградцев высказались за возвращение своему городу первоначального имени – Санкт-Петербург, а свыше 61 процента москвичей выразили желание создать вместе с Подмосковьем единый столичный округ...* (Известия, 1991, 15 июня). Однако акцент может быть поставлен на физической составляющей, например: *Империя, которую построил товарищ Сталин, была уникальной для своего времени* (Бунич И. Полигон сатаны). Может быть также актуализирован знаковый компонент, ср., например: *В 1995 году [Артемий Лебедев] основал студию WebDesign (в 1998 году переименованную в «Студию Артемия Лебедева»), которая является одной из первых и крупнейших студий веб-дизайна в Рунете* (<http://www.lebedev.com/lebedev/?n=70> – дата обращения 11.03.2018).

Социальное разрушение, как и созидание, обычно включает в себя и знаковую, и материальную составляющие, однако выражаться может только одна из них, например: *Население было вырезано* (Бунич И. Полигон сатаны); *Демократическое правительство Мухамеда Дауда было свергнуто одной из коммунистических фракций под названием «Демократическая Народная партия Афганистана», и президентом стал прямой агент Москвы Тараки* (<http://maxpark.com/user/pravdorezov/content/687291> – дата обращения 11.04.2018). Обозначение такого действия может отражать и его комплексный характер, например: *Сейчас всё чаще звучат голоса – о том, что СССР развалили* (Аргументы и факты, 2005, № 15).

Социальное изменение – группа разных по своему характеру и интенсивности преобразований: радикальных и несущественных, количественных и качественных, общих и конкретных, ср., например: *Мы (S₁) продолжим модернизацию транспортной инфраструктуры (S₂). Будем (S₁) развивать мощные логистические центры (S₂)...* (В. В. Путин. Послание Президента Федеральному собранию, 2015). В данном случае речь идет о несущественном качественном общем изменении модернизации и несущественном общем изменении развития, не охарактеризованном по отношению к количественному/качественному характеру.

5. **Комплексные** действия, в которых сложно однозначно описать характер активности субъектов. Это, как правило, асимметричные действия, как адресатные или объектные, но в них сложно выделить основного и второстепенного субъекта. К таким действиям относятся, обучающие действия, см., например: *Мы (S₁) научили (Pr₁) ребенка (S₂) играть (Pr₂) самостоятельно* (Н. Лейкина. Детская игра: цели, задачи, этапы (2015). – НКРЯ). Целью такого действия является изменение второго субъекта (в данном случае приобретение им нового умения), однако взаимодействие носит и адресатный, и управляющий, и переговорный, контр-агентивный характер.

За пределами этой классификации остаются, например, имитирующие и воспроизводящие действия, которые имеют объектный характер, но при этом объект у таких действий имеет знаковую природу, а не является лицом или другим социальным субъектом, поэтому такие действия чаще выступают операциями адресатных (декламация, или просто чтение вслух) или обучающих (чтение наизусть, диктанты и переписывание) действий, а также составляют базу филологической деятельности: перевод, переложение, толкование.

Эксплицированность физического компонента, его степень и характер выступают вспомогательным признаком и характеризуют уже конкретные лексе-

мы или словосочетания. Так, при обозначении адресатных действий использование (воспроизводство) конвенциональных, то есть принятых в обществе, знаков чаще всего скрывает обозначение физической составляющей, либо инкорпорируя ее в семантику предиката, либо помещая в пресуппозицию высказывания или слова, см., например: *Сходите сейчас же в приемный покой и **вызовите** ко мне дежурную сиделку...* (М. Булгаков. Записки юного врача). Однако создание знака *ad hoc*, с использованием возможностей, которые дает наличная ситуация, чаще всего требует описания физического компонента социального действия. Иногда такого рода действиям посвящается целое литературное произведение. Ср., например, рассказ А. П. Чехова «Лев и солнце», посвященный созданию русским чиновником сообщения личного характера для иностранного чиновника, не владеющего русским языком. Вот как описывается ключевое действие рассказа: *Между прочим, обыватели видели, как он (городской голова. – И. К.) остановился около каменных ворот со львами и указал персу сначала на льва, потом вверх, на солнце, потом себе на грудь, потом опять на льва и на солнце, а перс замотал головой, как бы в знак согласия, и, улыбаясь, показал свои белые зубы.* Художественный эффект рассказа создается тем, что в нем не называется прямо ни жанр, ни содержание сообщения, передаваемого городским головой персидскому чиновнику.

Высказывание, в котором физическая составляющая стандартизованного, конвенционального **адресатного** социального действия представлена эксплицитно, в приведенном ниже случае отражает экстремальность ситуации: *Он **перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол.** Это мне. <...> – Дочка моя, – ответил он шепотом, а потом крикнул: – Помогите! – И вновь повалился, и стриженные его в скобку волосы метнулись на его глаза* (М. Булгаков. Полотенце с петухом). Экспрессивность просьбы, выразительный размах ее невербальной составляющей определяется значительностью повода – смертельно опасной травмой, полученной дочерью субъекта просьбы. Этим и объясняется необходимость описания невербальной составляющей в тексте рассказа.

Среди контрагентивных действий физическое взаимодействие чаще актуализируется при описании конфликтных ситуаций. Однако некоторые символизирующие физические реалии отражаются и в обозначении переговоров, особенно их результирующей фазы, например: *ударили по рукам; скрепили подписью договор.*

Место знакового компонента в динамической или ситуативной структуре социального действия находится в отношении дополнительности к параметру места физического компонента. Оба они обязательны в социальном действии, но знаковый компонент может быть центральным предикатным смыслом, а может оказаться на семантической периферии.

Так, в объектных действиях, например социальном разрушении, физический компонент смысла выходит на первый план, когда речь идет о физическом уничтожении лица. Можно вспомнить афоризм сталинских времен: *Нет человека – нет проблемы.* Существует масса эвфемизмов со значением физического уничтожения человека: *поставить к стенке, пустить в расход, ликвидировать, пришить, привести приговор в исполнение* и т. п. С другой стороны, актуализация знаковой составляющей часто приводит к тому, что физический компонент социального действия отходит на второй план. Необязательно рассказывать, какие физические процессы сопровождали или означали низвержение императора. В качестве «отрицательного» примера приведем одну из сцен художественного фильма «День выборов», в которой неожиданное заполнение отсутствующей позиции локатива в предикативной единице со значением социальной санкции создает комический эффект: *<А вот те два вагона меди, которые, они сначала пропали, а потом появились – это чистое недоразумение.> Виновные уже нака-*

заны... в лесу (X/ф «День выборов». Реж. В. Фомин. 01 ч. 01 мин. 49–55 сек. URL: <https://ok.ru/video/41208974077> – дата обращения 15.08.2018). Эффект саморазоблачения создается указанием характерного места наказания: в лесу бандиты убили и прятали тела жертв, в том числе тех, кто так или иначе провинился.

Параметр социальной иерархии и иерархического отношения может выступать важной характеристикой действия. Так, коагентивное социальное действие управления чаще осуществляется лицом с более высоким иерархическим статусом, например: *<Я же готова вступить в борьбу только ради того, чтобы отстаивать свое честное имя. И еще – во имя интересов отраслей,> работой* (Pr₂) *которых* (S₂) 0 (S₁) *руководжу* (Pr₁) (S₁ > S₂) (Аргументы и факты на Енисее, 2001, 19 дек.). А вот для вспомогательного действия эта характеристика не так важна, см, например: *<Эх, Додерляйна бы сейчас почитать! – тоскливо думал я, намыливая руки. Увы, сделать это сейчас было невозможно.> Да и чем бы помог мне в этот момент Додерляйн?* (S₁ ≅ S₂) (М. Булгаков. Записки юного врача); *Ну / мы упросили, / чтобы... ну райком всячески помогал «Интегралу»* (S₁ > S₂) (Проект «Легенды и мифы Академгородка», Информант 2).

Перспектива, по Ч. Филлмору, может влиять на семантическую интерпретацию одного и того же действия. Принципиальная двухактантность социального действия приводит к возможности его конверсности. Для объектных действий, в которых роль второго субъекта предельно инактивна, смена перспективы носит в большей степени технический характер, влияет на актуальное членение высказывания, диатезу и, возможно, залог глагола, например, выражение объектных действий в одном и том же тексте: *В России сформируют* *компанию «Атомэнергопром», которая будет производить все работы от добычи урана до производства электроэнергии и строительства новых АЭС и Президент России Владимир Путин подписал указ «О реструктуризации атомного энергопромышленного комплекса РФ», согласно которому будет реформирована гражданская часть Росатома* (<https://lenta.ru/news/2007/04/27/atomprom> – дата обращения 04.09.2011). Однако у адресатных действий смена перспективы может привести к изменению типа действия. Ср., например, пару *выступить перед* N₅ / *заслушать* N₄, в которой первый глагол обозначает адресатное действие, осложненное официальностью события, а второй глагол обозначает восприятие, также осложненное официальностью.

Реактивность социального действия противопоставлена, особенно в лексическом выражении, не инициативности, а неохарактеризованности по этому признаку. Маркированным членом оппозиции является реактивность. Так, санкции и поощрения являются реакцией на исполняющие операции действия социального управления, например: *По итогам работы за квартал Сергей Викторович будет поощрен* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011). – НКРЯ). Реактивными также являются вспомогательные и препятствующие действия, см., например: *Правда, я тут же заметил, что Юрчик недолюбливает независимого А. Пилягина и будет при случае вредить* (Красноярская газета, 2001, 30 окт.). В то же время многие другие социальные действия вообще никак не характеризуются по этому параметру, ср., например: *Она [судьба] меня бросила в эту глушь и заставила бороться одного, без всякой поддержки и указаний* (М. Булгаков. Записки юного врача).

Общая позитивная или негативная направленность действия важна для классификации контрагентивных действий. Негативно направленные действия представляют собой конфликты, им противопоставлены не охарактеризованные по этому признаку действия переговорного типа (см. выше). Оценка действия и разных его аспектов формируется социальным опытом и предпочтениями со-

циума и отражается в лексике, а также в стилистических приемах, выходящих за пределы лингвистического описания. См., например, ряд глаголов, обозначающих передачу информации (адресатное действие) представителям власти: *должить – донести – наябедничать – настучать*. Понижение официальности в этом ряду сочетается с усилением отрицательной оценки.

Сфера жизни (область человеческой деятельности, подсфера социальной сферы), к которой относится обозначаемое действие, – это факультативный признак для лексики со значением социального действия, но для предложений и тем более текстовых структур он чрезвычайно значим. Объектные для языкового высказывания бытовая сфера, сфера производства, науки, образования, политическая сфера, религиозная и др. по своему составу соответствуют аналогичными сферам общения, но не совпадают с ними. Многие предикатные слова специализированы на обозначении событий одной или нескольких объектных сфер, например педагогической: *Хотя я / прошла здесь... говорила практику в «Советской Сибири», публиковалась даже, / даже в командировку ездила / в Искитим* (Проект «Легенды и мифы Академгородка», Информант 1); или политической, например: *Для чего вы баллотировались в депутаты?* (Красноярский железнодорожник, 2001, 23 нояб.). Если семантическая подсфера не отражена в семантике предикатной лексемы, то высказывание в своем полном объеме может ее выразить, см., например: *На объектах энерго- и теплоснабжения края и соседних регионов создан нормативный запас угля* (производственная сфера; Красноярский железнодорожник 2001, 23 нояб.) или *Начали писать тогда... создавать, вернее, картотеку для словаря / фразеологии с Молотковым Борисом Ивановичем* (научная сфера; Проект «Легенды и мифы Академгородка», Информант 2).

Итак, многоаспектность социального действия требует учета в семантической модели обозначающих его языковых выражений целого списка существенных параметров, которые представляют потенциальный «паспорт» социального действия как референтной ситуации для высказывания. Совершенно необязательно, что все эти параметры будут актуализированы в высказывании, но если не учесть их в семантическом описании, то мы не сможем разглядеть в выражаемом социальном действии тех существенных свойств, которые отличают его от других действий и от действий несоциального характера.

Список литературы

- Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. / Научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Т. 6. Иркутск, 2010. 544 с.
- Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
- Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 602–643.
- Вригт Г. Х., фон.* Логико-философские исследования: Избранные труды: Пер. с англ. / Под общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова; Сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной модели языка. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. 502 с.
- Джустини Фичи Ф.* «Действие» в русском и итальянском языках // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 135–138.
- Дремов А. Ф.* Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 22 с.

- История теоретической социологии: В 4 т. Т. 2. М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 2002. 560 с.
- Ким И. Е.* Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира // Филология и человек. 2011. № 2. С. 59–71.
- Ким И. Е.* Семантические сферы и языковое членение мира // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 217–224.
- Ким И. Е., Шароглазова Т. А.* Пропажа и потеря в русской синтаксической семантике: конверсность и асимметрия // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 49.
- Мельников Г. П.* Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Наука, 1980. С. 39–64.
- Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: Моногр. / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-традиция, 2015. 328 с.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
- Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 841 с.
- Селиверстова О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
- Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 4: С–Я. 1988. 800 с.
- Степанов Ю. С.* Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
- Холодович А. А.* Залог. 1: Определение. Исчисление (1970) // Холодович А. А. Проблемы грамматической категории. Л.: Наука, 1979. С. 277–293.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1988. 54 с.
- Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.
- Янценецкая М. Н., Лебедева Н. Б.* Лексическое значение и семантические категории языка // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 56–93.
- Fillmore Ch.* The case for case // Universals in Linguistic Theory / Ed. by E. Bach, R. T. Harms. New York, etc., 1968.
- Fillmore Ch. J.* The case for case reopened // Syntax and Semantics. 1977. Vol. 8. P. 59–81.
- Fillmore Ch.* Starting Where the Dictionaries Stop: the Challenge for Computational Lexicography. With B. T. Atkins. In Computational Approach to the Lexicon / Ed. B. T. Atkins, A. Zampolli, Oxford Univ. Press, 1994.
- Tesnière L.* Éléments de syntaxe structural. Paris, 1959. 670 p.
- Wierzbicka A.* The Case for Surface Case. Karoma Publ. Inc., Ann Arbor, 1980.

I. E. Kim¹, O. N. Zyuzina², E. A. Deryabina³

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kimkim27601@yandex.ru

² *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, solechka@mail.ru*

³ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, maria.kononova.nov@mail.ru*

Complex semantic model of social action in the Russian language

The paper provides a complex semantic classification of social actions in the Russian language. Social action is considered to be an interaction between two persons having their own will. Such interaction has physical and symbolic aspects. The classification of social actions includes seven parameters revealing the complexity of the action being modeled.

The most significant parameter is the type of the second person's action (the first person is "the point of reference"). The first type is actions towards addressee, with the core being information transmitting and the periphery presented by giving and receiving. The second type is actions with counter-agent, with the positive one being negotiation and the negative one – conflict. The third type is actions with co-agent. In case the second agent is more active and dominating, the action is managing. When co-agent is less active, the action is secondary. The fourth type is actions towards an object, with the second person being a patient.

The second important parameter of the classification is the degree of explicitness of the physical and sign components of the action. The social actions may be represented syncretically, without singling out physical and sign aspects, but sometimes one of the aspects is expressed independently. The third parameter is the relevance of the social hierarchy. It is of importance in management or training activities. The fourth parameter is the perspective from the first or the second person. When viewed from another angle, some actions may change their name. The fifth parameter is the initiative or responsive quality of the action. Some social actions are made in response to other actions, for example, secondary or hindering ones. The sixth parameter is the general evaluation of the action, with conflict actions having negative one, and negotiation not having any. The seventh parameter is the semantic field of the social sphere where the action takes place. The division into semantic fields corresponds to the division of social life into the spheres of activity.

Keywords: social action, social semantics, "actant" model of action, semantic sphere, socio-philosophical and semantic classification of actions.

DOI 10.17223/18137083/66/18

References

Afanas'yeva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri: V 20 t.* [Dictionary of dialects of Russian old residents of Baikal Siberia: in 20 vols]. V. M. Gatsak, S. A. Myznikov (Sci. Eds). Vol. 6, Irkutsk, 2010, 544 p.

Bogdanov V. V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic-syntactic organization of the sentence] Leningrad, LSU Publ., 1977, 204 p.

Bulygina T. V. K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [To the construction of a typology of predicates in Russian]. In: *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 7–85.

Dremov A. F. *Rol' padezhey russkogo yazyka v obespechenii svyaznosti i kompressii teksta* [The role of the cases of the Russian language in providing connectivity and compression of the text]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1985, 22 p.

Fillmore C. J. Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography. In: *Computational Approaches to the Lexicon*. B. T. Atkins, A. Zampolli (Eds). Oxford Univ. Press, 1994.

Fillmore C. J. The case for case. In: *Universals in linguistic theory*. E. Bach, R. Harms (Eds.), New York, Holt Rinehart and Winston, 1968.

Fillmore C. J. The case for case reopened. *Syntax and semantics*. 1977, vol. 8, pp. 59–81.

- Giusti Fici F. “Deystviye” v russkom i ital’yanskom yazykakh [“Action” in Russian and Italian languages] In: *Logicheskij analiz yazyka: Modeli deystviya* [Logical analysis of the language: Action models]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 135–138.
- Habermas J. *Moral’noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka, 2001, 382 p.
- Istoriya teoreticheskoy sotsiologii: V 4 t. T. 2* [History of theoretical sociology: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow, Kanon : OI “Reabilitatsiya”, 2002, 560 p.
- Kholodovich A. A. Zalog. 1: Opredeleniye. Ischisleniye (1970) [Voice. 1: Definition. Calculus]. In: Kholodovich A. A. *Problemy grammaticheskoy kategorii* [Problems of grammatical category]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 277–293.
- Kim I. E. Semanticheskiye sfery i yazykovoye chleneniye mira [Semantic spheres and the linguistic division of the world]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 2, pp. 217–224.
- Kim I. E. Sledstviye, tsel’ i kommunikativnoye namereniye v semantike sotsial’nogo deystviya: fragment yazykovoy kartiny mira [Consequence, purpose and communicative intention in the semantics of social action: a fragment of the language picture of the world]. *Philology and Man*. 2011, no. 2, pp. 59–71.
- Kim I. E., Sharoglazova T. A. Propazha i poterya v russkoy sintaksicheskoy semantike: konversnost’ i asimmetriya [Disappearance and loss in Russian syntactic semantics: convergence and asymmetry]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017, no. 49.
- Mel’nikov G. P. Priroda padezhnykh znacheniy i klassifikatsiya padezhey [The nature of case semantics and the classification of cases] In: *Issledovaniya v oblasti grammatiki i tipologii yazykov* [Studies on grammar and typology of languages]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 39–64.
- Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii: Monogr.* [Everyday and scientific knowledge about society: interaction and reconfiguration: Monogr.]. I. F. Devyatko, R. N. Abramova, I. V. Katernog (Eds). Moscow, Progress-traditsiya, 2015, 328 p.
- Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya* [Semantic studies]. Moscow, LRC Publ. House, 1996, 464 p.
- Parsons T. *O strukture sotsial’nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow, Akademicheskij proyekt, 2000, 880 p.
- Parsons T. *O sotsial’nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow, Akademicheskij proyekt, 2002, 841 p.
- Seliverstova O. N. Vtoroy variant klassifikatsionnoy setki i opisaniye nekotorykh predikatnykh tipov russkogo yazyka [The second variant of the classification grid and a description of some predicate types of the Russian language] In: *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 86–157.
- Shmeleva T. V. *Semanticheskij sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa “Sovremen-nyy russkij yazyk”* [Semantic syntax: The text of lectures from the course “Modern Russian Language”]. Krasnoyarsk, 1988, 54 p.
- Shyuts A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. *Sociological Studies*. 1988, no. 2, pp. 120–136.
- Slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 vols]. AS USSR, Russian language Inst., A. P. Evgen’yeva (Ed.). 3rd ed. Moscow, Rus. yaz., 1985–1988. Vol. 4: C–Я, 1988, 800 p.
- Stepanov Yu. S. *Indoyevropeyskoye predlozheniye* [Indo-European sentence]. Moscow, Nauka, 1989, 248 p.
- Tesnière L. *Éléments de syntaxe structural*. Paris, 1959, 670 p.
- Vsevolodova M. V. *Teoriya funkcional’no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoy modeli yazyka* [Theory of functional-communicative syntax. Fragment of the applied language model]. Moscow, MSU Publ., 2000, 502 p.
- Weber M. Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya [Basic sociological concepts]. In: Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990, pp. 602–643.
- Wierzbicka A. *The case for surface case*. Karoma Publ., Inc., Ann Arbor, 1980.
- Wright G. X., von. *Logiko-filosofskiy issledovaniya: Izbrannyye trudy: Per. s angl.* [Logical and philosophical studies: selected works: Transl. from English]. G. I. Ruzavin, V. A. Smirnov (Eds), V. A. Smirnov (Comp.). Moscow, 1986, 600 p.
- Yantsenetskaya M. N., Lebedeva N. B. Leksicheskoye znacheniyeye i semanticheskiye kategorii yazyka [Lexical meaning and semantic categories of language]. In: *Semanticheskiye voprosy slovoobrazovaniya: Znacheniyeye proizvodnyashchego slova* [Semantic questions of derivation: The meaning of the underlying word]. Tomsk, TSU Publ., 1991, pp. 56–93.